

Хотя выражение *политика развития* в последние годы все чаще встречается в политическом дискурсе и кажется понятным, содержание его остается неопределенным.

Если исходить из практики употребления этого выражения, то политику развития следовало бы относить к типу ценностных политик, т.е. связывать с этими словами представление о политике, ориентированной на развитие как на некую ценность. Но тогда это должна была бы быть целая концепция, которой в нашей культуре пока нет. Что и неудивительно, поскольку любая попытка эксплицировать содержание политики развития наталкивается на неопределенность, «сущностную оспариваемость» входящих в него понятий – политики и развития. Да и словосочетание *политика развития* вызывает дополнительные вопросы. Имеют ли эти слова деятельностное содержание, т.е., мыслится ли в связи с ними некоторая особая и достаточно определенная политика, отличная от других (например, политики модернизации), либо, может быть, это просто речевой оборот, ставший расхожим штампом, изначально призванный всего лишь разнообразить нашу речь? Если иметь в виду содержание, то возникает вопрос, идет ли речь о существующем феномене политической жизни, который надо лишь рафинировать и описать как некую данность, или, напротив, о замысле, проекте, подлежащем разработке, обсуждению и последующей реализации? При этом о развитии кого/чего идет речь: о развитии субъектов или объектов такой политики? Или политической системы в целом?

По-видимому, бесполезно задавать такие вопросы в модальности (естественного) существования: «Что такое политика развития?» Слова о политике развития (ПР) могут обозначать едва ли не все, что угодно, а вопросы следует относить к нашим целям и соответственно к тому смыслу и содержанию, которое мы в эти слова вкладываем (искусственно). К сожалению, невозможно обозреть эмпирию данного словоупотребления: в мае 2008 г. ГУГЛ предлагает семь с половиной миллионов упоминаний ПР только по-русски, и, действительно, идея ПР, если считать, что таковая (идея в отличие от слов) существует, кажется весьма актуальной для России. Более того, в варианте политики *социального* развития (ПСР) она обсуждается как ведущая на государственном уровне, а недавно получила хождение еще идея обеспечения безопасности «через развитие». Понятно, что в этих условиях появляется бесчисленное количество текстов с различными интерпретациями и приложениями ПР и ПСР, но совсем непонятно, способствует ли это или мешает *движению мысли* в данном направлении. Между тем движение это представляется тем более необходимым, что многолетний опыт обсуждения темы развития как такового и управления развитием в Московском методологическом кружке (ММК) свидетельствует о недостаточной проработанности этого круга идей даже в теоретическом плане, не говоря уже об их возможной реализации.

С учетом сложившейся ситуации я хотел бы продолжить обсуждение своей старой [Рац 1995, 2001] идеи политики развития, опираясь на богатый опыт ММК [Кузнецова 2004; Литвинов 2008] и выполненные для этой цели недавние разработки, связанные с понятием и типологией политики [Рац 2010а; Рац 2010б]. Сверхзадача состоит в том, чтобы построить концепцию политики развития, эскиз которой предлагается ниже.

О развитии в контексте политики

Обсуждать развитие в контексте политики это значит говорить о развитии, во-первых, как ценности и рамке, т.е., средстве самоорганизации и организации нашего мышления и деятельности, а, во-вторых, как о такой совместной организации этих процессов, которая возникает в результате реализации идеи развития. За пределами обсуждения остаются, таким образом, многочисленные и разнообразные процессы и явления реального мира, включая природу, которые называются тем же именем, и с которых, собственно, начинается история идеи развития.

Явления такого рода фиксировались со времен античности, но в отличие от *политики*, обсуждавшейся уже две с половиной тысячи лет более или менее систематически и притом с участием, что называется, лучших умов человечества, *развитие* стало предметом артикулированного интереса только в XVIII – XIX веках. Происходило это в обстановке бурного роста научных знаний, что не могло не отразиться на содержании формировавшихся представлений о развитии. Они разошлись по разным научным предметам, прижились там, оестествились, приобрели соответствующую предметную окраску и заметный позитивистский оттенок. Что же касается философской линии обсуждения развития, то после вспышки интереса к этому предмету у немецких классиков философия так и не смогла ассимилировать и собрать воедино разнокалиберные представления, складывавшиеся в естествознании, психологии, педагогике, обществоведении или истории. Впрочем, кажется, в последние лет полтора философы не были слишком озабочены этой проблемой: для них идея развития по большей части так и осталась «рискованным приключением разума» (И.Кант).

Но как бы ни понимать развитие, для начала придется признать, что в совокупности бытующих трактовок *развитие* фактически выступает как термин свободного пользования, используемый в одном ряду с эволюцией, трансформацией, изменениями. Единственное, что замечаешь в результате знакомства с разнообразными представлениями о развитии, это то, что речь обычно идет об особом рода переменах в жизни интересующего нас объекта. Чаще всего имеются в виду качественные перемены, связанные с обогащением, развертыванием, более полным выражением изначально присущих ему характеристик, а иногда и с обретением новых. При этом правда, собственно развитие опредмечивается и вытесняется различными предметными проекциями: если говорить об обществе, то развитием экономическим, социальным, научно-техническим. К тому же часто смешиваются развитие и его возможные результаты (которые могут быть получены другими путями – безо всякого развития), например рост ВВП или уровня жизни и т.п. Я бы сказал и больше: применительно к обществу развитием называют скорее наступление желанных перемен, чем качественно определенный процесс.

Подобная разноголосица господствует не только в массовом употреблении, но даже в философском и политологическом сообществах. В такой ситуации слова о политике развития звучат как очередное благое пожелание. На мой взгляд, однако, их содержание можно существенно уточнить. Для этого, говоря о развитии, надо, как минимум, учитывать отличие развития *общественных систем* от развития *природных объектов*: физических или биологических, а, кроме того, говоря уже о развитии общественных систем, – отличать это последнее от эволюции, становления, роста, модернизации или прогресса. Это все – разные вещи. Если с учетом двух указанных рядов различий говорить к тому же о *развитии как ценности*, то политика развития из красивого словосочетания

может превратиться в (и быть описана как) идеальный тип политики в понимании Макса Вебера.

Продолжая намеченное выше сопоставление судьбы понятий *развития* и *политики*, можно заметить, что в прошедшие десятилетия на эволюцию наших представлений о последней существенное влияние оказало формирование политической науки и политической философии как учебных и научных дисциплин и соответствующего академического сообщества. С более абстрактным *развитием* не случилось ничего подобного. Хуже того: наряду с предметными проекциями вроде научно-технического или экономического развития появление в политической науке теории модернизации, дискурса «развивающихся стран», концепций политического и мирового развития, идеи «устойчивого развития» создали в вопросе о развитии уже форменную «понятийную катастрофу» (выражение С.Попова [Попов 1992]). Здесь царит полный разнобой, причем не обращающий на себя особого внимания, поскольку идее развития в политологии пока не придается большого значения. В этом смысле характерна квалификация идеологии развития как одной из частных [Баталов 2008].

Обсуждаемая далее трактовка развития (которую в свете сказанного нужно, наверное, считать специальной) выработывалась на протяжении второй половины XX в. трудами Г.П.Щедровицкого и руководимого им Московского методологического кружка применительно к системам, обладающим рефлексией и мышлением, т.е. к общественным системам, включая и человеческих индивидов. Процесс этот отнюдь не завершен: даже специальное понятие развития проблематично и принадлежит к числу активно дискутируемых [см. Щедровицкий 2005, 2006; Содин 2009]. Вместе с тем в настоящей работе я, естественно, учитываю и другие бытующие в обществе представления о развитии, но учитываю, во многом отталкиваясь от них: мне пока, повторю, важно выделить и рафинировать то представление о развитии, которое может выступать как ценность и рамка политики. По этому поводу стоит напомнить, что со времен Платона известно: ценностно нагружаемые понятия – вроде блага, справедливости или свободы – вообще плохо поддаются экспликации, что, заметим, не мешает, а может быть, и способствует их употреблению в качестве ценностей.

Из сказанного видно, что развитие – одно из сложнейших философско-методологических понятий, анализ/конструирование которого представляет собой самостоятельную и большую работу. По понятным причинам здесь я вынужден говорить в доктринальной манере и ограничиться несколькими «крупными мазками», адресуя заинтересованного читателя к упомянутым работам П.Г.Щедровицкого.

Начать нужно с фундаментального различия между развитием и перечисленными выше процессами (эволюцией и т.д.). Эти различия как раз помогают в уточнении понятия *развития* применительно к общественным системам. Сложность идеи развития в предлагаемой ее интерпретации связана с тем, что развитие соединяет в себе как направление, так и механизм движения. Обычно говорят только о первом, имея в виду, что развитие направлено в сторону диверсификации и усложнения системы, умножения числа ее степеней свободы. Но, двигаться в указанном направлении можно по-разному. Если мы хотим разобраться с этим здесь и теперь, то необходимо, как минимум, выявить отличия развития от прогресса и модернизации, которые могут вести в том же направлении, но предполагают разные способы движения.

Под прогрессом обычно понимают особый тип эволюции, т.е. естественное движение в указанном направлении [Нисбет 2007], в противоположность регрессу, деградации. В отличие от прогресса, по крайней мере, в такой его трактовке,

развитие мыслится только как искусственное, управляемое движение: естественное развитие в данном случае – это оксюморон.¹ Но управление развитием – тоже непростое явление: само по себе управление может привести только к перестройке управляемого объекта; чтобы происходило развитие, «объект» должен обладать собственным «естественным» движением. Ключевое значение имеет сочетание упомянутых «естественного» (органического, спонтанного) и «искусственного» (мыслительного, интеллектуального) начал, присущее исключительно человеку и обществу.

Другая характерная особенность развития вырисовывается при сравнении его с модернизацией: модернизация, или так называемое «догоняющее развитие» предполагает следование готовым образцам, движение за лидером, а развитие мыслится как движение «на основе собственной идентичности» (В.Федотова), движение «по первопутку», соединение поиска пути – в отсутствие дороги – и движения по нему. Если модернизация приводит всех участников движения к однотипному результату («современной» организации общества, что бы под этим не подразумевалось), то развитие ведет к разным и притом непредсказуемым в своей конкретике результатам.²

Приведенные характеристики достаточны для того, чтобы выделить развитие из множества других типов изменения общественных систем, но механизм такого изменения требует дополнительных разъяснений. При обсуждении этого механизма можно мысленно двигаться как бы «от противного». А именно, от тех нередко очень важных, но поверхностных перемен в нашей жизни, которые осуществляются наличными средствами в рамках решения текущих задач, – в глубину, куда ведет конфликт представителей разных позиций, диалог и проблематизация, и где в итоге происходит разработка новых средств мышления и деятельности. Именно проблемность развития, необходимость разработки недостающих методов и средств мышления и деятельности на каждом его шаге, в каждой проблемной ситуации имеет определяющее значение. При этом различаются общественное и личностное развитие: в первом случае речь идет об обогащении культуры, во втором – только о росте нашей личной осредствленности.

В проекции на человека – носителя мышления и деятельности обогащение арсенала средств сознательно перманентному (интеллектуальному) освобождению. Два взаимосвязанных обстоятельства должны быть в связи с этим отмечены специально. Во-первых, процессуальный характер, как обогащения, так и освобождения (в отличие от богатства и свободы). Новые средства открывают новые возможности, но по мере их использования вокруг человека вырастает новая стена отчуждения: нельзя стать свободным однажды и навсегда, можно только становиться таковым в постоянном развитии. Во-вторых, коллективный характер этих процессов, которые реализуются лишь в обществе. Это обстоятельство напоминает о точной и конструктивной коммунитаристской критике либерализма.

В проекции на общество первостепенную роль получают конфликты, обретающие институциональную форму борьбы власти с оппозицией, и выполняющие незаменимую функцию – маркировать стоящие за ними проблемы.

¹ Точно так же, как и «естественная история» – не история: Б.Кроче [Кроче 1998: 77] еще сто лет назад писал о собственно истории (общества, цивилизации) и – в противоположность ей – об истории, «принадлежащей к области так называемых естественных наук; ее тоже принято называть историей, – «историей природы», – но она является историей только по названию», «между ними непреодолимый разрыв»

² Здесь и далее, говоря о модернизации, я не имею в виду перспектив, связанных с проблематизацией понятия современности [Капустин 1998], сближающей модернизацию с развитием в обсуждаемом его понимании.

«Поверхностные» движения, решения множества текущих задач возможны и в отсутствие конфликтов: они идут поверх остающихся невыявленными проблем, не требуют разработки новых средств интеллектуальной деятельности, но зато поглощают ресурсы. Это характерно для так называемого «мобилизационного развития», которое может быть только (кратко)временным, поскольку исчерпывает наличные ресурсы, а новые при этом не создаются. Напротив, «устойчивое развитие» (а его следует понимать, как антоним мобилизационного) обеспечивается постановкой и решением проблем, глубинными переменами, ведущими к диверсификации деятельности и порождающими тем самым новые ресурсы.

Сказанное объясняет также известный феномен застойности хозяйственных и общественных систем в странах, богатых так называемыми «природными ресурсами», в противоположность «развитым» странам, часто лишенным значительных природных богатств, но независимо от этого делающим ставку на «человеческий капитал» и интеллектуальные ресурсы. Два понятия представляются важными для прояснения этой ситуации: это понятия ресурсов и частично рассмотренное в предыдущей статье этого цикла [Рац 2010б] понятие инновационной деятельности.

Представление о ресурсах как естественных, «природных» глубоко укоренилось в общественном сознании и даже в языке. Правда, наиболее продвинутые управленцы довольно давно поняли, что дело обстоит сложнее [Друкер 1992], но их точка зрения не прижилась, и, так или иначе, остается пока достоянием очень узкого круга интеллектуальной элиты. Между тем еще полтора столетия назад нефть и газ не были никакими ресурсами, как и уран, например, не был ресурсом даже до середины прошлого века. Ресурсы – понятие историческое, и любой материал может стать ресурсом, если и когда для него будет выработана технология использования в деятельности. Но, когда такая технология разрабатывается и начинает широко применяться, мы почему-то теряем историческую перспективу и начинаем считать соответствующие ресурсы естественными. Особенно наглядно прослеживается это кафкианское «превращение» с природными ископаемыми, которые реально *становятся* «полезными» и умножаются (причем как в числе видов, так и в объеме запасов) по мере развития науки, техники и диверсификации деятельности. Таким образом, *источником ресурсов оказываются инновации*. Разумеется, ресурсы по своему материалу вовсе не обязательно природные: современное общество в отличие от индустриального называют обществом, основанным на знаниях, именно потому, что ресурсом развития в нем оказываются не безвозвратно расходуемые ископаемые, а непрерывно умножаемые знания.

Такова – в двух словах – деятельностная трактовка ресурсов, и суть ее состоит в том, что любые и всяческие ресурсы появляются в результате развития мышления и диверсификации деятельности. Противоположная, натуралистическая трактовка, которая пока господствует в массовом сознании, говорит о естественных по происхождению ресурсах как о «дарах природы» [Рац и др. 1996].

Эти соображения позволяют по-новому взглянуть на так называемый «интеллектуальный потенциал» России, который по каким-то таинственным причинам не удается актуализировать. Похоже, что здесь скрывается корень зла: отсюда «лишние люди», отсюда феномен русской интеллигенции в отличие от западных интеллектуалов, отсюда «утечка мозгов». Похоже, что актуализация интеллектуального потенциала есть другая сторона перехода к инновационной экономике, которые – в свете всего сказанного – объединяются идеей развития. Основным тормозом в этом деле видится отсутствие в обществе надлежащей

рефлексии и коммуникации, которые «включают» коллективное мышление. В социально-политическом плане рефлексия выражается в форме критики и самокритики, известной старшему поколению в качестве неизбежно пустого в советских условиях (а потому справедливо забытого) лозунга, а коммуникация – в форме бахтинского диалога, или «мысли-коммуникации» Г.П.Щедровицкого [Щедровицкий 1995: 281-298]. Как запустить соответствующие общественные процессы – отдельный вопрос, относящийся, скорее, уже к области текущей политики и требующий специального обсуждения.

С учетом всего сказанного механизм развития оказывается сложным: он связывает мыслительную действительность, где протекают означенные глубинные процессы, с реальностью посредством инновационной деятельности. Говоря метафорически, эту деятельность можно уподобить работе ткацкого челнока, с помощью которого сшиваются, или зашнуровываются глубинные интеллектуальные достижения (в частности, научные) с общественными потребностями. Немудрено, что с инновациями в России проблема: мы ведь по советской традиции считаем их делом науки и хотим ограничиться односторонним «внедрением» научных разработок. Но, требование экономической «отдачи» от науки не более основательно, чем была бы идея отдачи от инвестиций в искусство. С развиваемой здесь точки зрения, инновации обеспечиваются научными знаниями и проектированием/изобретательством, но реализуются и входят в нашу жизнь интеллектуальными усилиями предпринимателей, управленцев и политиков.

Наши трудности связаны с натурализацией и упрощением рассмотренных деятельностных образований. Мы трактуем ресурсы как природные богатства, инновации хотим получить из достижений науки, а развитие мыслим едва ли не как синоним естественно идущих перемен. Пересмотр этих представлений мог бы стать важнейшим делом интеллектуальной элиты России и первым признаком актуализации ее интеллектуального потенциала.

Сказанное, на мой взгляд, – только самый грубый набросок возможного ответа на вопрос о том, как мыслить развитие (или в более привычной натуралистической постановке: что такое развитие?) применительно к общественным системам. Но не менее важно пояснить, как понимать развитие в функции ценности и рамки (политической) деятельности. А я бы отнес идею развития к числу важнейших ценностей и рамок наряду с рамкой права.

Мы, таким образом, от обсуждения развития как такового переходим к обсуждению употребления идеи развития в политике. Во избежание недоразумений повторю, что это вовсе не означает, будто мы построили понятие развития: очень часто, – а бывает, что и успешно – мы пользуемся далеко не проясненными понятиями и представлениями. Более того, как раз прорисовка контекста употребления является одним из важнейших средств построения понятий.

От управления развитием к политике

Вернемся еще раз к исходной социокультурной ситуации. При всех разговорах о ПР и ПСР Россия живет в идеологии модернизации, в рамки которой вписывается даже идея инновационной экономики. Каково при этом возможное место ПР в российском политико-философском дискурсе? На мой взгляд, это место маркировано бесконечными дискуссиями о «русской идее» или о «третьем пути», содержание которых по сию пору так и не удалось прояснить. Подобные идеи выдвигаются в процессе осмысления текущей политической практики в самых различных ее приложениях. Бросаются в глаза претензии в связи с

отсутствием идеологии в адрес «Единой России», но более показательна фиксация разрыва, оконтуривание «дырки» в политике, которую должна заполнить некая отсутствующая идея. Рафинированный пример такого рода дает обсуждение вопроса о том, как пробить «потолок роста» [Чадаев 2006].

С другой стороны, дифференцированная и сложно структурированная работа государственной машины в масштабах страны уже плохо вяжется с представлениями об управлении. По идее, здесь в связке работают подсистемы программирования и проектирования, управления и власти, реализации и исполнения, объединяемые особыми рамками в целостную систему государственной политики. В связи с этим основополагающая идея *управления развитием*, высказанные Г.П.Щедровицким [Щедровицкий 2003], требует обобщения. Управление – это идеализация, предполагающая единство и единственность управленческих воздействий на управляемую систему. Такая идеализация работает далеко не всегда и не везде. В случаях же, когда управленческие воздействия оказываются множественными и противоречивыми, в дело вступает политика. Таким образом, говоря о политике развития, я фактически ставлю вопрос об обобщении идеи управления развитием.

В условиях политической борьбы схема управления реализуется только по мере получения и выработки – хотя бы промежуточных, временных – итогов и результатов этой борьбы, в рамках рафинирующейся при этом политической линии. *Вопрос состоит в том, какую роль может играть идея развития в этом сложном процессе в целом, т.е. пока идет борьба.* Может ли она служить ориентиром в политике, мыслима ли – наряду с управлением – *политика развития*? И, если да, то можно ли указать условия, или сформулировать требования, которым должна удовлетворять политика (в самом широком значении), чтобы оправдать имя ПР, т.е. направлять общественную систему по пути развития.

Мой наиболее общий ответ на вопросы такого рода состоит в том, что, во-первых, *идея развития может выступать в роли ценности, объемлющей рамки и регулятива политики наподобие той роли, которую сейчас выполняет идея права.* (На аксиологической, рамочной трактовке развития настаивает и П.Г.Щедровицкий [Щедровицкий 2005, 2006]). Но такую роль надо еще отвоевать, а это процесс исторический. Вряд ли его можно считать завершившимся даже и применительно к праву: хотя реальное влияние правовых идей на политику не следует недооценивать, пока что право выступает в качестве регулятива политики едва ли не больше в теории, чем на практике. Если говорить о международных отношениях, то формирование системы права здесь далеко не завершено. В связи с этим мне уже довелось писать [Рац 2004], что поле политики в наше время можно разделить на две части. В одной доминирует идея и ценность права, здесь (например, в рамках ЕС) можно говорить о политике в рамках права; в другой – согласно известной концепции Карла Шмитта – господствуют отношения друзей и врагов (вместо возможных в рамках права противников). Пока я бы сказал, что область ПР лежит в пределах поля правовой политики, хотя этот вопрос требует специальной проработки.

Во-вторых, функционально – в отличие от управления, по идее непосредственно обеспечивающего процессы развития, – политика может создавать для них лишь статус наибольшего благоприятствования, условия для их реализации (если это политика развития), либо, наоборот, препятствовать им (такой тип политики мы рассмотрим специально), либо, наконец, быть в этом отношении нейтральной. При этом локальные оргуправленческие системы оказываются встроенными в объемлющее поле той или иной по отношению к

идее развития политики – государственной или корпоративной – со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Наконец, в-третьих, за отсутствием прецедентов *я говорю о политике развития как о проекте или даже проектном замысле*, который пока приобретает черты реальности в итоговой политической линии, в управлении развитием, если и когда оно осуществляется. В целом здесь скрывается целый клубок проблем, и я совершенно не рассчитываю ответить на все возникающие вопросы. Поставить и обсудить некоторые, а, главное, попытаться осмыслить целое – это более или менее реалистическая задача.

Если иметь в виду развитие как ценность, заведомо возможна *идеология развития*, хотя и ее еще надо разрабатывать как таковую. Она может быть взята на вооружение каким-то политическим субъектом, в деятельности которого только и родится тогда политика развития – для начала как его собственная политическая позиция и линия. Подобная ситуация представляется мне вполне реальной. Сверх того можно лишь предполагать, что в случае победы ориентация на развитие наложит свой отпечаток на характер отношений между несколькими политическими субъектами, и вслед за тем на организацию всей политической жизни и политической системы. Повторю, прецедентов таких пока нет, но при всех условиях надо различать политику развития как линию некоего политического субъекта (*policy*) и как интегральную характеристику взаимоотношений нескольких таких субъектов (*politics*). Что касается первого случая, то можно заметить, что субъект, руководствующийся идеей развития, имеет наибольшие шансы вырваться вперед в конкурентной борьбе в противоположность субъектам, ориентированным на модернизацию, которым по принципу гарантировано отставание.

Второй случай – именно по причине его проблематичности – рассмотрим чуть подробнее. Моя гипотеза состоит в том, что ориентация на развитие (как до того ориентация на идею права) существенно повлияет на формы организации и осуществления политической борьбы, хотя идти она может за вполне традиционные интересы; на политическую жизнь и на общественно-политическую систему в целом. Иначе говоря, взаимоотношения между различными политическими субъектами – будь то субъекты внутренней или международной политики – могут измениться, если у них появится такая ценность и такой ориентир как развитие. Это довольно сильное предположение, требующее аргументации и сразу вызывающее вопросы, не имеющие очевидных ответов. В чем именно могут заключаться предполагаемое перемены? Должны ли все участники политического процесса разделять ценность развития или, для того, чтобы перемены начались, достаточно, чтобы ее разделяли лишь некоторые из них? Как соотносятся данные соображения с политикой за рамками права: мыслимо ли их распространение на взаимоотношения врагов (в отличие от конкурентов и противников)?

Среди прочего сказанное означает, что политика развития мыслится как образование иного рода, нежели политики, связанные с привычными идеологиями типа либеральной, консервативной или социал-демократической. Действительно, в обычном случае победа той или иной политической линии и соответствующей *идеологии* обозначает смену ориентиров движения, но не предполагает существенных перемен во взаимоотношениях между политическими субъектами (в пределе – смены политической системы или даже изменений политической культуры). Иначе дело обстоит при смене *режима*, например, в результате победоносной борьбы тоталитарных или, наоборот, демократических сил. Однако для начала я предпочитаю говорить все же об идеологии развития, хотя, повторю, она и отличается от других идеологий привычного ряда тем, что является

рамочной. Это значит, что традиционные идеологии типа либеральной или социал-демократической (но не тоталитарные), так или иначе модифицируясь, могут сосуществовать и продолжать борьбу друг с другом в рамках политики развития.

Вместе с тем нужно ставить вопрос об особом *режиме развития* и соответствующих *формах организации жизни общества*. С моей точки зрения, в целом здесь работают существующие представления о демократии и открытом обществе (в смысле К.Поппера), хотя они существенно дополняется в том, что касается механизмов их работы. В частности, это касается важнейшего механизма политики – механизма коммуникации между политическими субъектами. Замысел политики развития предполагает пересмотр этого механизма с упором на проблематизацию и решение проблем, – которые, как уже говорилось, собственно и обеспечивают развитие, – вместо нынешнего господства торга и компромиссов при уповании на спасительную роль толерантности.

Наряду с этим приходится еще учитывать, что само открытое общество – отнюдь не обозначение некоей феноменальной данности: оно мыслится как идеальный тип и как общественный идеал. Его обобщенная характеристика в первой ипостаси кратко сформулирована Дж.Соросом: «это несовершенное общество, которое остается открытым для усовершенствования». Во второй ипостаси этот идеал обладает важнейшим свойством, отличающим его от «больших проектов» прошлого и роднящим с идеей развития: такое общество можно *выращивать* на себе и своих детях, но принципиально невозможно *построить*. В сущности, две идеи: развития как ценности, ориентирующей мышление и деятельность людей, и открытого общества как формы организации нашей совместной жизни – это две стороны одной медали. Открытое общество – институциональная форма организации развивающегося общества; развитие же может выступить в качестве той самой ценности, «руководящей», или одухотворяющей идеи, осознания и признания которой так не хватает как самой конструкции открытого общества, так и наиболее близким к открытости реальным обществам Запада. Если угодно, можно говорить при этом об идеале «общества развития».

Все это не такие уж абстрактные теории. Прагматический смысл идеи ПР в самом первом и грубом приближении можно пояснить, апеллируя к получившей популярность теории игр, где известны игры с нулевой суммой, когда выигрыш одного участника оплачивается проигрышем другого, а есть игры с ненулевой – положительной или отрицательной – суммой, когда выиграть (проиграть), по идее, могут все участники одновременно. Вопреки массовым представлениям о политике, когда выигрыш одной из сторон по преимуществу связывается с проигрышем другой, ПР мыслится, по крайней мере потенциально, как игра с положительной суммой, причем это не мешает политической борьбе, т.е. политика отнюдь не превращается в филантропию. В этом отношении политика развития оказывается антонимом войны, представляющей собой игру с отрицательной суммой.³ Однако «ненулевість» (неологизм Роберта Райта [Райт 2003]) – широкое понятие, используемое для описания целого ряда конфликтных ситуаций [Шеллинг 2007], более или менее близких к ПР, но все же иных, периферийных для идеи развития.

³ Я бы сформулировал последнее утверждение как подлежащую доказательству теорему: выигрыш победителя в войне (если победитель есть) всегда меньше, чем проигрыш побежденного плюс затраты ресурсов всех участников. А вот «мирный» пример игры с отрицательной суммой: газовый конфликт России с Украиной. «От этого конфликта пострадали все – кто-то физически, кто-то из-за утраты имиджа» http://www.ng.ru/courier/2009-01-19/9_gaz.html?mprint.

В рамках предлагаемой концепции возможный общий для всех участников игры выигрыш, возникает (если возникает) в результате решения вскрываемой за конфликтом проблемы. В отличие от ситуаций, рассматриваемых в теории игр, ненулевость связана здесь не с самой по себе политической игрой, а именно с *развитием*, которое хотя и случается в «обычной» политике [Черток 1992], но может стать более или менее систематическим явлением только при некоторых дополнительных условиях, в частности, при соответствующей ориентации политики. В этом и состоит вопрос: *как именно мы должны строить политику, если хотим, говоря метафорически, поставить развитие на поток?* Мой ответ гласит: *для этого необходимо учитывать вероятность общего выигрыша*, что уже по логике теории игр влияет на политические вектора противников.

Таким образом, реализация идеи политики развития видится не на пути изучения наличных, как бы естественно складывающихся ситуаций (этим занимается наука, за это получил нобелевскую премию Т.Шеллинг), а в том, как искусственно повлиять на их формирование. Например, в одних и тех же обстоятельствах можно нацелиться на борьбу с конкурентами за передел рынков сбыта (или за доступ к месторождениям нефти), а можно озаботиться расширением емкости рынков (или поисками, разведкой и разработкой новых месторождений – задача, которая вполне актуально стоит в Арктике). Одно другому может и не мешать, но важно признание самой возможности двух таких полярных установок, поскольку в отсутствие ориентации на развитие мы просто не видим второй. Конечно, в приведенных примерах наперед неизвестно, удастся ли увеличить емкость рынков или найти новые месторождения. Развитие вообще дело рискованное, но я думаю, что игра стоит свеч.

Политика развития против политики... чего?

Ради уяснения и конкретизации сказанного (ибо сказанное все же очень абстрактно) нужно коротко остановиться еще на одном вопросе. Вообще-то ПР не «против»: она – «за», но тем не менее, кому/чему противостоит политика развития, с какой идеологией может идти борьба за победу и распространение ценности развития? Противопоставление политики развития и политики интересов, которым я пользовался до недавнего времени, неточно, как минимум, по двум причинам. Во-первых, если говорить о политике интересов, то такая политика противопоставляется политике ценностей, а политика развития лишь одна из разновидностей последней. Во-вторых, логическое противопоставление (X vs Y) отнюдь не тождественно политическому противостоянию, которое интересует нас в данном случае: ценности и интересы вообще нет нужды сталкивать между собой, например, идеи политики развития не следует противопоставлять политике продвижения национальных интересов России (как и любой другой страны). Вопрос приходится ставить иначе: как меняется наше **видение** национальных интересов, если и когда мы принимаем ценность развития?

Если сообразно сказанному выше, эксплицировать понятие развития как формы существования мыследеятельности, как работы постоянно действующего ценностно-культурного, *искусственного* начала в жизни [Рац 2010в], то противоположность развитию можно мыслить как апелляцию к *естественным* началам, находящим наиболее подходящую форму существования в традиционном обществе, к человеческому естеству. В наше время, имея в виду политическую жизнь более или менее развитых стран, не так просто указать на противоположную развитию ориентацию. Например, политический консерватизм, ориентация на сохранение status quo вряд ли представляют собой такую

противоположность, ибо *разумное* поддержание существующего положения дел всегда частично и может касаться лишь каких-то сторон жизни общества, требуя при этом (или даже для этого) интенсивного развития других. (Данный пример, кстати, иллюстрирует существование различных путей развития.)

Я связываю искомую альтернативу с известным феноменом «проклятия ресурсов» (resource curse). Хотя здесь точнее было бы говорить о сырьевом проклятье, но суть дела понятна и при использовании сложившейся терминологии. На мой вкус, наиболее точно эту альтернативу удалось осмыслить и вербализовать Д.Быкову [Быков 2006] под именем «политики имманентностей», причем вне всякой связи с идеями ПР. Политика имманентностей (ПИ) – это то, что обычно связывается с идеологией «крови и почвы», но Быков рассматривает эту идеологию под новым углом зрения: она предстает у него как «сырьевая идеология», органично сочетающаяся с сырьевой экономикой. Благодаря этому я могу теперь говорить о прямой оппозиции: ПР vs ПИ.

Конкретизируя эти идеи применительно к России (сходные идеи высказывал А.Соловьев [Соловьев 2007]) я бы сказал, что если кто-то хочет видеть ее энергетической сверхдержавой на базе углеводородов, гипотетические субъекты ПР, наверное, будут против и скажут, что нефть и газ полезны преимущественно для того, чтобы отдышаться после коммунизма с его перестройкой, запустить и поддержать процессы и механизмы развития. (Так можно интерпретировать переход к инновационной экономике.) Или, если кто-то хочет установить в России единомыслие и извести инакомыслящих, а тем самым (скорее всего, не понимая этого) перекрыть путь развитию, то и здесь сторонники ПР выступали бы против. (Вообще как-то странно толковать о многополярности во внешнем мире, выстраивая однополярную систему у себя дома.) Точно так же они были бы против повторного превращения России в осажденную крепость, «закрытия» и препятствующей развитию изоляции от западного мира. И против попыток выстраивать определяющую будущее страны политику, исходя из архетипов массового сознания ее граждан или культурных матриц.⁴

Свою ПИ Быков вывел из анализа некоторых эмпирически наблюдаемых тенденций российской политики, задаваемых ориентирами типа родимых пятен: врожденными, унаследованными, так или иначе далекими от свободного выбора политическим субъектом. Т.е., по типу это именно то, что ранее было названо политикой интересов. Но этого мало, Быков прямо пишет о соединении сырьевой и националистической идеологии (в том виде, в котором она распространена в России): «нефтяная экономика проедает то, что есть, и категорически не в состоянии произвести то, чего еще не было. Националистическая идеология паразитирует на том, что есть, – и опять-таки не в состоянии ничего выстроить на этом фундаменте». И далее: «Человек вообще состоялся ровно в той степени, в какой преодолел свои имманентности: болезнь, старость, бедность (все рождаются голыми), сословные предрассудки, саму смерть. <...> *Интерес представляет только то, что поднимается над природностью, развивает или отрицает ее*» (курсив мой – М.Р.). То же касается любых субъектов действия, добавил бы я, имея в виду прямое столкновение ПР и ПИ.

Имея в виду практические приложения излагаемых идей, важно заметить, что эти две политические линии в своих глубинных основаниях связаны с

⁴ Мне кажется ясным, что сказанное никоим образом не мешает ни опоре на собственные силы и культурные традиции в политике, ни сильному государству, без которого развитие вряд ли реализуемо. Я уже писал об этом [Рац 2001], но повторяю во избежание бессмысленных споров. Реальные вопросы состоят в том, на какую силу государства уповать: военно-полицейскую или интеллектуальную, и какие традиции приписывать России. Приписываются всегда традиции, соответствующие взглядам приписывающего.

диаметрально противоположными формами общественного устройства и различными типами организации хозяйства. Понятно, что ориентация на ценность развития предполагает рефлексивность и соответственно требует открытости системы по отношению к будущему: об открытом обществе мы уже говорили. Следует только дополнительно подчеркнуть, что открытость/закрытость общества к будущему необходимо отличать от открытости/закрытости систем в термодинамическом смысле, которая применительно к нашей теме выливается в открытость границ, рынков и т.п. Общество, закрытое по отношению к будущему, фиксирующее его как некую данность (будь то коммунизм, тысячелетний рейх или исламский халифат), закрывается и в термодинамическом смысле, в то время как для открытого (к будущему) общества – это вопрос выбора тактики по ситуации.

Интересы, диктуемые кровью и почвой, а тем более кровью и нефтью, требуют для своего поддержания и сохранения в будущем жесткой фиксации status quo в настоящем. «Откуда такая тотальная страсть к контролю? Почему недоверие к интеллектуальной элите и шире к обществу так свойственно русской власти. И российской, и советской, и постсоветской?» – спрашивал интервьюер у известного мыслителя М.Рыклина. «Эта традиция имеет вековые корни и с трудом поддается искоренению. Как ни странно, первое, что приходят на ум, – тип нашей экономики, сырьевой. Экономика определяет и структуру власти. Ни одна сырьевая экономика в мире не является демократией. Страны, которые конкурируют с другими, вынуждены давать человеку больше свободы. В России нет необходимости бороться на конкурентных рынках – газ и нефть пока есть» [Архангельский 2006].

Противоположность ПР и ПИ приобретает наибольшую яркость при обращении к кратко рассмотренному выше понятию ресурсов и ресурсной политике. Прекрасной иллюстрацией к сказанному служит сравнительный анализ ресурсной политики нефтедобывающих стран, который приводит к выводу, что «надо бояться не того, что не хватит нефти, а того, что не хватит ума ею правильно распорядиться» [Пусенкова 2008]. Более общая картина содержится в «Ресурсном государстве» С.Кордонского [Кордонский 2007]. Для меня эта книга – своеобразная антиутопия, имеющая, тем не менее, много общего с реальностью, а, главное, задающая особый, прицельный взгляд на эту реальность. Суть ее в выделении двух идеальных типов государств: ресурсные государства живут в натуралистических представлениях, за счет «природных ресурсов», ограничиваясь перераспределением и эксплуатацией их потоков; все прочие, образующие цивилизованный мир, давно используют и «создают» ресурсы сообразно их деятельностной природе (вовсе не всегда отдавая себе в этом отчет), в связи с чем у них среди прочего формируется рыночное хозяйство. Российское государство – и не только в его советской ипостаси – автор книги трактует как государство ресурсное и в силу этого репрессивное (вспомним Рыклина), имеющее своим прототипом древний Египет.

Рецензент книги В. Широнин [Широнин 2007] в связи с этим спрашивает: «...как у нас возникают ресурсы? Как так получается, что, несмотря на нашу неспособность превращать "вещь" в "ресурс", у нас все же имеется какая-никакая экономика? Ответ здесь, на мой взгляд, в целом банальный: способы (технологии) использования вещей в качестве ресурсов мы заимствуем у "них" (у капиталистов, Запада и т.п.). Тем не менее, не является банальностью *готовность признать* такое положение вещей». Иными словами, *готовность признать, что ресурсные государства оказываются интеллектуальными (а в конечном счете и экономическими) паразитами Запада*. К сказанному остается добавить, что деятельностная концепция ресурсов разрабатывалась нами более десяти лет назад [Рац и др. 1996], и – даже оставаясь незавершенной, – она входит как

важный элемент в концепцию политики развития. Собственно, в рамках ресурсного подхода политика развития и мыслится как политика, позволяющая России отойти от указанной незавидной позиции, к которой она пока опасно близка.

В целом я вижу три варианта дальнейшей жизни замысла ПР. Первый состоит в том, что у этой идеи не найдется последователей, и она забудется, как забылось, надо думать, немало подобных идей. Второй, напротив, связан с предположением, что замысел придется ко двору каким-то интеллектуальным силам и будет ими более или менее успешно развиваться и реализовываться. Наконец, третий вариант строится в предположении, что идея эта будет воспринята и использована как очередная попытка переосмыслить наши представления о всеобщем благе, и в этом качестве будет работать как еще одна утопия. Подчеркну в связи с этим, что утопии работают, хотя и не реализуются. Различие между вторым и третьим вариантами состоит в том, что второй требует специальных усилий (тем более, что механизмы реализации замысла ПР пока не проработаны), в то время как третий реализуется квазиестественным образом, что роднит его с первым. Во всяком случае, именно проработку путей реализации я считаю важнейшим направлением работы в рамках выдвигаемого проекта.

Хочется думать, что, в конце концов, мы научимся технически работать с политикой, выстраивая ее и вооружая средствами сообразно своим ценностям и стратегическим целям, а это не следует смешивать с техниками достижения политических целей наличными средствами в рамках политехнологий. Тогда, может быть, используя политологию как прикладную деятельностно ориентированную дисциплину, нам удастся изменить что-то к лучшему в такой лабильной, но именно в связи с этим, наверное, инерционной сфере деятельности как политика.

Архангельский Андрей. 2006. Такая элита им не нужна. *Независимая газета*, 7.12.
(http://exlibris.ng.ru/fakty/2006-12-07/2_elite.html)

Баталов Э.Я.. 2008. Наши вечные спутники. *НГ-Сценарии*, 23.09.

Быков Д. 2006. Политики имманентностей. <http://www.polit.ru/author/2006/10/09/bykov.html>.

Друкер П. 1992. *Рынок: как выйти в лидеры*. М.

Капустин Б.Г. 1998. *Современность как предмет политической теории*. М.

Кордонский С.Г. 2007. *Ресурсное государство*. М.: REGNUM.

Кроче Б. *Теория и история историографии*. М., 1998, с. 77.

Кузнецова Н.И. (ред.) 2004. *Познающее мышление и социальное действие*. М.

Литвинов В.П. 2008. *Гуманитарная философия Г.П. Щедровицкого*. М.

Нисбет Р. 2007. *Прогресс: история идеи*. М.

Попов С.В. 1992. Идут по России реформы... *Кентавр*, № 2.

Поппер К. *Логика и рост научного знания*. М, 1983.

Пусенкова Н. 2008. Чем богаты – тому не рады. *Независимая газета*, 14.10.

http://www.ng.ru/energy/2008-10-14/9_wealth.html

Райт Р. 2003. Новый мировой порядок. *Отеч. записки*, № 6.

Рац М.В. 1995. *Политика развития: первые шаги в России*. М., 1995

Рац М.В. 2001. «Российский проект в глобальном контексте» (Идеология развития и ее задействие в политике). *Полис*, №6.

Рац М.В. 2004. Диалог в современном мире. *Вопр. философии*, № 10.

Рац М.В. 2010а. Политика и управление. *Полис* (в печати).

Рац М.В. 2010б. К типологии политики.

http://www.polisportal.ru/index.php?page_id=51&id=95

Рац М.В. 2010в. «Искусственное» и «естественное» // *Философия России второй половины XX в. Г.П.Щедровицкий*. М.: Росспэн, 2009 (в печати)

Рац М.В. М.Т.Ойзерман, Б.Г.Слепцов. 1996. Ресурсы и ресурсная политика. *Вопр. методологии*, М, № 1-2.

Содин С.Л. 2009. Идея развития в методологии // *Философия России второй*

- половины XX в. Г.П.Щедровицкий. М.: Росспэн, 2009 (в печати)*
- Соловьев А.И. 2007. "Без идеологии формирования гражданской нации Россию будет лихорадить..." *Русский журнал*: http://www.russ.ru/politics/interview/bez_ideologii_formirovaniya_grazhdanskoj_nacii_rossiyu_budet_lihoradit
- Чадаев А. 2006. Пробить потолок роста. *Русский журнал*, <http://www.russ.ru/docs/128123615>
- Черток М.М. 1992. Проблемы политики в контексте регионализации. *Кентавр*, № 2.
- Шеллинг Т. 2007. *Стратегия конфликта*. М.
- Широнин В. 2007. Ресурсное проклятие и идеальные объекты. *Русский журнал*, 26.04.: http://russ.ru/book/vyshla_kniga_simona_kordonskogo_resursnoe_gosudarstvo
- Щедровицкий Г.П. 1995. *Избранные труды*. М.
- Щедровицкий Г.П. *Философия. Наука. Методология*. М., 1997.
- Щедровицкий Г.П. *Методология и философия оргуправленческой деятельности: основные понятия и принципы*. М., 2003.
- Щедровицкий П.Г. 2005. *Лекции о развитии* <http://www.fondgp.ru/lib/mmk/18/1.doc>
- Щедровицкий П.Г. 2006. *Экспериментальная жизнь*. М.